

КАФЕДРА

ЭКЗОГЕННЫЕ И ЭНДОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ РЕГЕНЕРАЦИИ
ИНДУСТРИАЛЬНЫХ МОНОГОРОДОВ

А. Е. Левинтов

Российское государство, в отличие от стран западной цивилизации, государственность которых создавалась городами (Римом, Афинами, Иерусалимом, Карфагеном и т.д.), создавало города, цепи и системы городов, исходя из своих имперских интересов и игнорируя местные интересы, возможности и ограничения. Как правило, это были моногорода с функциями, чуждыми окружению, что препятствовало возникновению эффекта цепирокности (взаимоподдержки) между городами и их окружением.

Как правило, отечественные города чужды и контрастны своему окружению, склонны к агрессивному захвату окружающих территорий под городскую или квазисельскую, субгородскую застройку (начиная с Екатерины II, дачи, в советское время — «шесть соток», в настоящее время — коттеджные поселки и поселки таунхаузов).

Города в России представляют собой своеобразные «пылесосы», высасывающие из своего окружения население, рабочую силу и деньги.

Даже монастыри в Европе и России выполняли разные функции: в России они были местами поклонения, богомолий, паломничества, а также несли оборонительные и тюремные (например, суздальские, Соловецкий) функции, а европейские, помимо церковных — торговые (европейские ярмарки, начиная с Шампани, проводились вокруг монастырей в их храмовые праздники), просветительские (через монастыри шло народное образование и внедрялись новые сельскохозяйственные культуры, новые агроприемы и новые агротехнологии, в частности, пивоварение и виноделие) и хозяйственные.

В советский период преимущественно создавались монофункциональные города (текстильные города Ивановской области, города при электростанциях, наукограды, лесные, нефтяные, газовые, горняцкие, города зоны БАМ) или города с весьма ограниченным набором функций (Тольятти, На-

бережные Челны), что делало судьбы этих городов весьма хрупкими и несамостоятельными. Все они обречены на депрессивное состояние, вплоть до статуса городов-призраков, рано или поздно.

Проблемы малых, средних и больших монопрофильных городов усугублялись в советское время... строительством новых городов с такой судьбой и пометкой в паспорте «одноразовый».

Производственные мощности и трудопоглощающий потенциал «градообразующих» предприятий практически не росли, инициативы и предпринимательство запрещены, а плановая экономика ориентировалась почти исключительно на новые мощности. Подрастающие поколения, не находя перспектив работы в родном городе, вынуждены были уезжать во вновь возводимые города, в основном, на востоке страны, ослабляя своим отъездом, но не решая проблем занятости в покидаемом ими городе, где, как назло, продолжают рождаться дети и сальдо естественного движения населения неуклонно, хотя и очень скромно показывает прирост.

В новых же городах картина повторялась: во имя строительства, понимаемого как развитие, и производства заглашалось воспроизводство и воспроизводственные процессы. В нескольких десятках городов зоны БАМ не предусматривались ни ПТУ, ни техникумы, ни тем более вузы. Одноразовая идеология и политика оказалась в неразрешимом противоречии с демографией.

Когда настал коллапс СССР и плановой экономики, гонка строительства новых городов прекратилась и с трудом сдерживаемая проблематика занятости в монопрофильных индустриальных городах и городках «встала на дыбы».

В Ивановской области из 22 городов только один, самый маленький, Плётс, избежал участи депрессивного. «Русский Манчестер», возникший сначала на импортном, а потом на среднеазиатском, а потом опять на дальнепривозном импорт-

КАФЕДРА

ном сырье, в одночасье рухнул от потери сырьевой базы и в конкурентной безнадежной для себя борьбе с Китаем.

Сегодняшняя ситуация в Иваново и его текстильных сателлитах выглядит нелепо и безнадежно: буйно развивается торговля, а рабочие места ивановцы находят в Москве, куда совершают ежедневные или, что гораздо комфортнее, еженедельные (понедельник-пятница) трудовые поездки.

Резкое падение цен на нефть может привести к обвалу отечественной экономики, но столь же резкий рост цен на нефть просто убьет Иваново: город продолжает существовать только благодаря экзогенным факторам, прежде всего за счет относительной транспортной доступности Москвы.

По-советски нелепой выглядит повсеместная попытка решения проблемы занятости административной сферой. В качестве примера:

Город Балей (Забайкальский край, в 74 км от ближайшей доступной ж. д. станции Нерчинск и в 350 км от Читы) когда-то был центром золотодобычи и до сих пор сохраняет статус райцентра. В городе живет 13 тыс. жителей, в районе (9 населенных пунктов, самый крупный практически слился с Балеем, самый дальний расположен более, чем в 100 километрах от райцентра) — 22 тысячи. В городе работают две школы. В одной, рассчитанной на 1200 учащихся всего 260 учеников, в той, что на 900 — 190. Учителей явно не хватает. И в этой ситуации в Балее существует и горобраз и райобраз, а также горздрав и райздрав (врачей также катастрофически не хватает). Практически вся городская и районная администрации, кроме получения зарплаты, не делает ничего, потому что делать нечего. Это — следствие несамостоятельности, несамостоятельности наших городов, в которых самоуправление носит даже недекоративный характер.

В настоящее время к числу депрессивных относится 619 городов страны или почти 3/4 их числа. При этом подавляющее большинство из них — малые могогорода.

14 августа 2009 года чиновники двух ведомств, Минрегиона и Минфина, договорились о том, что они подразумевают под словосочетанием «моногород». Можно не сомневаться, что в этой «понятий-

ной» работе не участвовали учёные: ни социологи, ни географы, ни историки, ни градостроители — слишком много ляпов допущено и в понятии и в истории формирования этого явления и в его сути.

Сама постановка вопроса кажется дикой и нелепой: с каких это пор чиновники получили право и власть давать понятия объектам, вообще никакого отношения не имеющим к сфере их деятельности? Завтра тот же Минфин возьмётся за понятие «человек» и будет решать, кого из нас относить к этому понятию, а кого нет. И выступит с законодательной инициативой, и распространит циркуляр, регламентирующий финансовое воздействие на «человека» и «человекоподобных».

Минрегион после волнений в Пикалево (Ленинградская область) опубликовал список моногородов, которым будет оказываться федеральная финансовая помощь:

1. Самарская область, г. Тольятти, численность населения — 705,46 тыс.чел.
2. Иркутская область, г. Байкальск, численность населения — 14,95 тыс.чел.
3. Ленинградская область, г. Пикалево, численность населения — 22,07 тыс.чел.
4. Свердловская область, г. Нижний Тагил, численность населения — 375,71 тыс.чел.
5. Вологодская область, г. Сокол, численность населения — 40,74 тыс.чел.
6. Воронежская область, г. Семилуки, численность населения — 23,90 тыс.чел.
7. Кемеровская область, г. Прокопьевск, численность населения - 214,43 тыс.чел.
8. Кемеровская область, г. Ленинск-Кузнецкий, численность населения — 107,70 тыс.чел.
9. Кировская область, г. Вятские Поляны, численность населения — 38,78 тыс.чел.
10. Мурманская область, г. Ревда, численность населения — 9,40 тыс.чел.
11. Пермский край, г. Чусовой, численность населения — 49,26 тыс.чел.
12. Приморский край, г. Дальнегорск, численность населения — 48,05 тыс.чел.
13. Республика Татарстан, пгт. Камские Поляны, численность населения — 14,87 тыс.чел.

КАФЕДРА

14. Ростовская область, г. Гуково, численность населения — 39,90 тыс. чел.

15. Свердловская область, г. Асбест, численность населения — 71,30 тыс. чел.

16. Свердловская область, г. Каменск-Уральский, численность населения — 180,93 тыс. чел.

17. Челябинская область, г. Карабаш, численность населения — 15,79 тыс. чел.

18. Челябинская область, г. Сатка, численность населения — 47,52 тыс. чел.

19. Ярославская область, г. Гаврилов-Ям, численность населения — 18,37 тыс. чел.

20. Ярославская область, г. Тутаев, численность населения — 41,43 тыс. чел.

21. Приморский край, п. Светлогорье, численность населения — 1,70 тыс. чел.

22. Мурманская область, г. Ковдор, численность населения — 19,45 тыс. чел.

23. Нижегородская область, г. Заволжье, численность населения - 42,00 тыс. чел.

24. Нижегородская область, г. Павлово, численность населения — 61,11 тыс. чел.

25. Удмуртская Республика, г. Сарапул, численность населения — 99,39 тыс. чел.

26. Ставропольский край, г. Буденновск, численность населения — 51,69 тыс. чел.

27. Республика Татарстан, г. Набережные Челны, численность населения — 506,12 тыс. чел.

В этом списке только четыре города могут быть отнесены к малым (Байкальск, Ковдор, Карабаш, Гаврилов Ям), но зато пропущены сотни (не менее 500) городов, являющихся малыми моногородами и действительно нуждающихся в федеральной или международной помощи. В отчаянном состоянии находятся, например, все малые и средние города Кузбасса, Урала, Поволжья, Центральной России, Европейского и Азиатского Севера. Обычно моногородами были и остаются малые города.

Самыми древними в России являются военные и оборонительные городки, остроги, особенно распространенные на колонизованных территориях Сибири и Русской Америки. Позже они были дополнены тюремно-каторжными функциями. Таких моногородов много возникло и в советское время

как спецпоселения ГУЛАГа, «соцгородки» и просто скопления лагерей. Существуют они и поныне (Лабитнанги в устье Оби, Потьма в Мордовии, 13 посёлков МВД на БАМе). Близки к этому типу и города-гарнизоны: Плесецк, Кубинка, Звёздный, Североморск, Амдерма-2, Тихоокеанский, Большой Камень. Тюрьмами повышенной комфортности являются и ЗАТО — закрытые наукограды, атомограды (Снежинск, Озерск, Саров, Заречный, Трёхгорный — всего около 30 городов с суммарным населением около 2 миллионов жителей).

Следующий тип, весьма распространенный в дореволюционной России, захиревший, но вполне сохранившийся в советское время — торговые городки, описанные Н. Гоголем (Миргород), Ф. Достоевским в «Братьях Карамазовых» (Скотопригоньевск, его же Мордасов из «Дядюшкина сна» и Очумеловск), А. Платоновым («Город Градов») и М. Салтыковым-Щедринным (Глузов в «Истории одного города»). Эти городки оказались самыми безнадёжными в советское время, когда церкви и торговля в стране были практически уничтожены. Сюда относятся Елец, Кашин, Собачьи Горы, Веря, Козельск, Торжок и многие другие.

Самый распространенный тип отечественных моногородов — промышленные. Их историю можно начинать с Акинфия Демидова, построившего на Урале около 20 горнорудных предприятий и городков при них: Златоуст, Челябин, Новая Утка, Кыштым. Касли, Невьянск, Тагил, Миасс и т.д. Позже он перенёс эту практику на Рудный Алтай. Большинство этих городков так и остались небольшими моногородами, хотя некоторые (Златоуст, Челябинск, Нижний Тагил) выросли в крупные многопрофильные центры.

Всплеск основания промышленных моногородов произошёл в конце 19 века, когда по всей стране, особенно в Нечерноземье стали строиться текстильные фабрики и посёлки при них. И это — совсем другой тип промышленных моногородов, где народ не сволочен насильственно, а собрался из местных сёл: местное население вело двойной образ жизни — летом сельское хозяйство, зимой промыслы и рукоделия. В Ивановской области из 22 городов такими оказались 20: одна или две крупные

КАФЕДРА

текстильные фабрики или хлопчато-бумажный комбинат и при них — Фурманов, Тейково, Южа, Комсомольск, Каменки, Родники, Вичуга... Советская декретивная экономика превратила это производство в сугубо женское, а текстильные города — в гаремы. Настолько, что здесь при некоторых «женских городах-монастырях» пришлось размещать военные гарнизоны. Так Ивановская область неожиданно превратилась в мощный плацдарм таких экстерриториальных войск как ракетные.

Другой, непромышленный, тип моногородов — железнодорожные станции. Их история весьма поучительна.

Суточный гон почтовой тройки — 50 вёрст, после чего лошадей надо менять и распрягать, возница и седоки останавливались на ночлег в съезжих избах. Разумеется, возникал и трактир и ямская слобода, ям. Когда Екатерина II занялась административно-территориальным делением страны наподобие германского, эти ямские слободы и назначались уездными городами: очевидна связь с центром и транспортно-распределительная функция. Позже 50-вёрстное расстояние было принято и для железных дорог: смена локомотива, заправка бункера, телеграфная связь. Депо, ремонтные мастерские и прочий железнодорожный сервис концентрировался именно в таких уездных моногородах.

Отдельные подтипы транспортных городов — пристанские (портовые) города на реках и побережьях, а также абсолютно бессмысленные гирлянды городов и посёлков на БАМе и при других великих стройках коммунизма.

Агрокорода — тип, весьма распространенный также в Европе и Америке. Процветание и благополучие этих городов зависит исключительно от обслуживаемого ими агропроизводственного хинтерланда (Чистополь, Батайск, Белореченская, Армавир, Тихорецк, Молочное, Зерноград и т.д.)

К сожалению, очень незначительны города-курорты и туристские центры (Суздаль, Ессентуки, Лазаревское, Ростов Великий и т.д.). Здесь, как бы плохо дела ни шли, жизнь комфортабельна, маняща и притягательна.

С депрессией тесно связано истощение ресур-

сов и миссии городов, ничем не восполнимое.

Постепенно вымирают города белгородской Засеки, возникшие как укрепленные порубежья против Дикого поля. Так исчезли или превратились в сёла Бирюч, Землянск, Нижнедевицк, Сагуны и многие другие.

Истощение естественных ресурсов — наиболее часто наблюдаемая картина: угольные городки и поселки Урала и Кузбасса, города на угасших и угасающих нефтепромыслах Татарии и Башкирии, Тюменской области, лесоповальные городки Европейского Севера, золотишные города Сибири и т.п. Вопиющая картина — поселения вдоль трассы БАМ. Построенные не для чего, они в большинстве своем представляют собой вымирающие поселения. Такую же картину представляют собой форпосты советской власти и советского способа производства по трассе Севморпути.

Для большинства малых моногородов характерна напряженная социальная ситуация, повышенная криминогенность, питательной средой чего являются отчаяние и осознание полной бесперспективности. Собственность, жалкая и рассыпающаяся на глазах, выступает прежде всего как обуза, а не ресурс жизнедеятельности. Ветхое и аварийное жильё превращается в объект непрерывного спасения и латания. Цена недвижимости непрерывно падает из-за невостребованности на рынке (на 10 предложений о продаже жилья и участков земли приходится обычно 1-2 предложения о покупке), а также ее обветшания, истощения.

Как правило, в этой ситуации формируется двойной образ жизни: дневной, пародирующий нормальную жизнедеятельность, и ночной — сильно замешанный на пьянстве, воровстве и поножовщине.

Если понимать под богатым не того, кто много имеет, а того, кто много тратит, то малые моногорода, даже при наличии в них толстосумов, лишены богатых людей — и это несравненно опаснее ровного моря бедности и нищеты: финансовые, материальные и прочие ресурсы, концентрируемые у этих толстосумов не капитализируются, а превращаются в сокровища, амбициозные иномарки, золотые

КАФЕДРА

унитазы, крушавельские забавы и т.п.

Кроме озлобления основной массы населения, подобного рода богатства не порождают ничего.

Парадокс отечественной экономики и географии заключается в том, что экономико-географическое положение (ЭГП) всех населенных мест, включая обе столицы, неблагоприятно: Москва и Петербург, с одной стороны находятся на самых западных окраинах страны, а, с другой стороны, на самых восточных окраинах Европы, оба города — тупики и для внутренних и для внешних коммуникаций и связей. Это неблагоприятное положение преодолевается за счет других ресурсов: административно-политических, инерции больших масс населения, инфраструктурной насыщенности.

У малых моногородов ничего этого нет, а потому для них неблагоприятны как удаленность от центров (дороговизна связей), так и близость их (невыгодная конкуренция). Плохо не то, что у них плохое ЭГП, а то, что этому нечего противопоставить.

Самое распространенное решение для промышленных городов и городков — превращение их в туристские ловушки. Таковы, например, Кутна Гора в Чехии (бывший крупнейший в Европе центр добычи серебра), Калико (бывший эпицентр «серебряной лихорадки» конца XIX века), Монтерей со знаменитыми Cannery rows (Дж. Стейнбек), дитя Золотой лихорадки Angels Camp, описанный в одном из рассказов Марка Твена (город живёт в основном за счёт мировых чемпионатов по прыжкам в длину среди лягушек) в Калифорнии. Если передать демидовские заводы из Минчермета в министерство культуры или министерство туризма, то города при них превратились бы в объекты туризма и образования, а производство имело бы заметную сувенирную направленность. Достойны превращения в музеи и призраки все наши города-тюрьмы.

В подавляющем большинстве случаев эти города, возникшие по воле государства, от государства же и ждут спасения, уповая прежде всего на экзогенные факторы: строительство новых объектов градообразующего назначения, государственных и иных внешних для себя инвестиций, финансовой

помощи и поддержки, льгот и т.п. Спасения ждут также от иностранных инвесторов, которым вдруг почему-то глянется Замухрянск или Вичуга. Особые, почти небесные упования — на спорт: проведение чемпионата мира по футболу, Олимпийских Игр, гонок Формулы-1, авторалли Париж — Дакар через Мухосранск. Пока чаще всего такие упования заканчиваются трагедиями, как это произошло в Крымске.

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствуют, что гораздо эффективнее срабатывают внутренние, эндогенные факторы: местные инициативы, затеи, идеи. Классическими примерами отечественного опыта являются Мышкин (Ярославская область) со своими многочисленными музеями и Урюпинск, объявивший себя, после серии анекдотов об этом городе, провинциальной столицей России. Интересен и вполне применим у нас и зарубежный опыт: озеро Лох-Несс в Шотландии, Монтерей в Калифорнии, где из-за небольшого, всего на 1 градус, повышения температуры в заливе, ушла знаменитая местная сардина. Опустевшие рыбные ряды (Cannery Rows) были превращены в отели, рестораны, магазины, огромный океанариум (более 1 миллиона посетителей в год). Когда, спустя пару десятилетий, также опустела военноморская база, часть ее превратилась в гигантскую торговую плазу, а часть была отдана университету Монтерейского Залива.

Очевидно, что ни в одном случае не срабатывает только одно решение: проблема регенерации города, независимо от его численности, возможно только в комплексе идей, проектов, решений и мероприятий, позволяющих либо найти частичную проблему занятости, либо частичную финансовую проблему. Экспертиза Байкальска (2009 год) показала, что в случае полного закрытия Байкальского ЦБК (к сожалению, этот случай, из-за бездарной алчности совладельцев комбината, государства и О. Дерипаски, не состоялся) возможен запуск как минимум 15 мини-проектов, каждый из которых решает 5-10% проблем города, главным образом, проблем занятости, но в совокупности эти проекты спасают город.

Малые города потому и малые, что имеют не-

КАФЕДРА

удачное экономико-географическое положение. В русском языке эта неудача выражается ёмким словом «захолустье», то есть местом, расположенным дальше того, куда ссылали престарелых и уже негодных к службе холуёв (крепостных слуг). В отличие от европейской и особенно американской традиции, российские малые города практически всегда имеют негативную коннотацию и характеристику.

Если российские малые города пугают своей затрапезностью, скукой, бесперспективностью, жизнью на виду у всех и отсутствием ниш индивидуального существования, то в Америке малые города — основная и вполне естественная форма расселения, никак не ущемляющая человеческого достоинства. Вот пример: калифорнийский Монтерей с численностью населения в 32 тысячи жителей (35 тысяч рабочих мест) обладает более, чем сотней мотелей и отелей, включая высококлассные, до полусотни арт-галерей, несколько кинотеатров, включая один пятнадцатизальный, несколько высших учебных заведений, профессиональных школ и колледж, десятка два церквей различных конфессий, от коптской до русской православной, крупный торговый центр, пять действующих театров, десяток музеев, полторы сотни ресторанов и кафе, множество переводческих агентств, туристические комплексы Fishermanwharf, Cannery Row и Океанариум, несколько бизнес-парков, крупнейшее в Америке издательство учебной литературы на иностранных языках, большой порт для яхт и катеров, гольфовые поля, развитую медицинскую инфраструктуру и т.д. и т.д., но ни одного промышленного предприятия, то такой же по людности и вполне благополучный подмосковный город Истра — это комбинат по производству детского питания, фабрики — мебельная, швейная, медицинской мебели, заводы: керамический, кирпичный, «Углемаш» и другие предприятия, историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим», краеведческий музей, общепит и торговля сугубо местного значения.

В советское время одним из немногих социальных лифтов, позволявших вырваться из липкой паутины и атмосферы малого города, было образо-

вание: наиболее успешные выпускники школ уезжали учиться в вузы областного центра, Москвы, Ленинграда или любого другого крупного города. Получение диплома о высшем образовании в СССР было гарантией невозвращения в свой родной, но одноразовый город. Собственно, эта практика сохранилась и по сей день. В Европе и США значительная, даже можно сказать подавляющая часть населения малых городов укоренена семейными корнями и собственностью, дорожит своим существованием именно в этих городах.

В последние два года стало с очевидностью ясно: государство не намерено решать проблемы малых моногородов, что вытекает, в частности, из такого документа как «Модернизация, инновационное и технологическое развитие малых городов: ключевые проблемы и решения», где делается попытка решить государственные проблемы, но не проблемы этих самых городов. Той же позиции придерживается и среднее звено «вертикали власти», региональные губернаторы и республиканские президенты.

Проблема заключается в том, чтобы превратить образование из социального лифта, позволяющего молодежи покинуть свой бесперспективный город, в нечто противоположное, а именно в средство закрепления молодых людей в родном городе и предоставлении им прав и возможностей строить здесь свое будущее, а, следовательно, и будущее своей малой родины.

Базовым полипроцессом новой образовательной парадигмы должен стать процесс развития:

- собственно тех, кто образовывается
- образователей
- образовательных средств и методов
- профессиональной среды и\или содержания образования
- интеллектуальных образовательных ресурсов
- социо-культурной среды
- деятельностей, инфраструктур и сервисов
- места

В идеале образуемые и образователи представляют собой единую образовательную группу совместного проектирования, исследований,

КАФЕДРА

консультаций, экспериментирования и внедрения результатов образования. Эта совместная деятельность предполагает, что и те и другие ориентированы на все указанные выше процессы развития, но образователи центрируют своё внимание на образовательных средствах и методах (и потому их правильнее считать методологами образования), а образуемые — на собственном развитии (практики образования).

Таким образом, процесс образования с неизбежностью представляет собой процесс самообразования, а, следовательно, и самоуправления процессом образования.

Образование для социальных преобразований призвано насыщать и уплотнять пространство, интенсифицировать его использование, урбанизировать, если понимать под урбанизацией многослойность и многосложность использования пространства, его многоярусность и повышение индуктивной мощности.

Так понимаемое образование носит предпринимательский характер, допускающий неудачные стартапы, повторные попытки и т.п.

С этим тесно связана венчурность \рискованность образования, возможный отсев и обязательность отбора на конкурсной основе.

Образование как средство социальных преобразований строится на использовании эффектов реципрокности как капитализации: каждый новый цикл или акт образования использует уже достигнутые образовательные результаты и одновременно продвигает и расширяет их, увеличивает общий потенциал образовательного реактора, превращая результаты в ресурсы следующих актов и деятельностей.

Проблема социальных преобразований, индуцируемых в этом образовательном реакторе, заключается в том, что необходимо введение жестких ограничений на внешние (естественные) воздействия, а именно действующее в стране законодательство, фискальные и контролирующие системы и органы, коррупционные механизмы, партийно-политические воздействия и притязания хотя бы на период интенсивных стартапов и становления (1-3 года) (в США принята практика налоговых

каникул на первые три года существования малого бизнеса). Это может быть достигнуто как за счет виртуальности существования, так и поддержания статуса образовательной позиции.

Если в основе школьного образования будут заложены идеи самоуправления и самодеятельности (а не «наполнения сосуда»), то проблему инициации социальных преобразований можно считать полностью решенной.

И самодеятельность (способность находить самому себе занятие, в том числе и помимо всего прочего приносящее легальный доход) и самоуправление (например, и прежде всего демократическое) сами по себе предполагают ответственность и за свои дела и за свои слова.

При этом ориентация на трудовое воспитание должна быть сменена на освоение школьниками занятий вообще, занятий «для души»: пение, театр, рисование, компьютерный дизайн, моделирование одежды: занятие любимым делом — такой же верный путь к успеху, как занятие постылым — к неуспеху.

Детский/подростковый бизнес не является ни новацией, ни вычурной экзотикой, в будущем же это может и должно стать достаточно распространенной нормой.

Начальное профессиональное и специальное образование может идти в дополнение и параллельно школьному, при этом вовсе необязательно оно должно иметь институциональные формы (колледж, лицей, ПТУ, техникум, курсы), особенно специальное. Под специальным образованием при этом понимается освоение жизненных компетенций на непрофессиональном уровне: домашнее приготовление пищи, домашнее виноделие и пивоварение, огородничество, уход за больными и немощными, уход за детьми, безопасный секс и семейное планирование, финансовая грамотность, экологическое поведение, самоконтроль и самоподдержание здоровья, туризм и путешествия, вождение автомобиля и т.п. Это, специальное, образование можно считать также юзерским, то есть не обязательно дающим возможность зарабатывать. Оно может приобретаться в семье, у соседа, на краткосрочных курсах — любым способом, но должно

КАФЕДРА

непрерывно заканчиваться получением лицензии, сертификата, либо любого другого документа, легализующего право заниматься данной практикой.

Формы начального профессионального и специального образования могут быть самыми разнообразными:

— дистанционное образование и клубные Интернет-сообщества малых городов для взаимобразования и взаимоконсалтинга

— местные и сетевые adult schools, проектные мастерские и бизнес-инкубаторы для разных поколений и межпоколенческие

— школы социо-культурного (непроизводственного и несервисного) направления (театральные, художественные, поэтические, архитектурные, дизайнерские, агрокультурные и т.п.)

— школы местной привлекательности (местные музеи, места и организация рекреации, релаксации и туризма, общения с природой, краеведение и т.п.)

— школы ситуационного (событийного) развития и управления (преодоление недостатков экономико-географического положения города за счет привлечения к нему ситуативного внимания), эвент-студии

— и так далее

В отличие от западных детей, нам надо преодолевать два серьезных пережитка:

— социальное рабство, воспитываемое всей школьно-вузовской системой классно-поурочной организации образовательного процесса (списывание, подсказки, зависимость от коллектива, пренебрежение личными интересами перед групповыми и «общественными», тем более — «государственными»)

— патерналистские настроения и ожидания (делегирование своей воли, ответственности и решений — старшим, начальству, «государству»).

Строго говоря, профессиональное образование, прежде всего начальное, должно быть ориентировано на то, что в результате этого образования человек может зарабатывать на жизнь. В общем-то, оно не всегда четко отличается от специального: освоение вождения автомобиля и освоение профессии водителя автомобиля (таксиста, развозчи-

ка и т.п.) различаются между собой малозаметными деталями.

Непременным условием любого профессионального и специального образования является сосредоточенность исключительно на данном круге компетенций: ничего лишнего, общеобразовательного или мировоззренческого — для этого существует общее образование, способствующее быстрому включению и переключению между профессиональными этическими кодексами.

Наличие у человека двух-трех десятков юзерских и профессиональных дипломов, лицензий, сертификатов, удостоверений и т.п. должно стать обыденностью и даже непременным условием признания человека взрослым, дееспособным и вменяемым к самостоятельной жизни.

Но даже сорок разных дипломов начального профессионального образования не могут заменить один диплом о высшем профессиональном образовании.

Кризис перепроизводства людей, обладающих дипломами о высшем образовании, привел к девальвации и дипломов и их обладателей. Основная масса рабочих мест занимают люди overqualified, переобученные сверх всякой меры. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть объявления о рабочих вакансиях: диплом о высшем образовании требуют от секретарш, переводчиков, менеджеров нижнего звена управления и даже продавцов.

Имея диплом, люди, естественно, впадают в патерналистские ожидания получения работы соответственно уровню образования и полученной специальности. В обществе возникла опрокинутая пирамида, противоположная здоровой образовательной иерархии. Ценность академического образования стала сознательным выбором государственной политики в России — в отличие, например, от выбора в пользу большей доли «трудового» обучения в Германии. Как ни странно, массовый характер высшего образования привел к тому, что столь же массовой стала и некомпетентность исполнителей и менеджеров. Это звучит почти кощунственно, но для оздоровления общества, для приобретения им черт самостоятельности и самоуправления, по-видимому, имеет смысл огра-

КАФЕДРА

ничить доступ к высшему образованию до необходимого при нынешнем избыточном доступе. Это, кстати, сможет поднять и уровень самого высшего образования — за счет более жесткого отбора и отсева.

Из изложенного выше понятно, что образование перестает быть прерогативой детей и юношества и захватывает практически все возраста: в конце концов, приходится получать специальное пенсионное образование, сертификат о таком образовании лучше получать до пенсионного удостоверения: сегодняшние пенсионеры не знают ничего о своих правах и обязанностях, траекториях своего здоровья и благополучия, финансовых возможностях и ответственностях (распоряжения в завещании, передача прав на собственность и т.п.).

Важно понять, что расширение образовательной базы есть едва ли не единственный путь занятия общественной и гражданской позиции, формирования гражданского общества, средство осознанных требований (и их удовлетворение) на общественные и социальные преобразования, на вступление в политический рынок не как позорный торг обещаниями, а как арену и плацдарм борьбы интересов и влияний.